

Мелочный маг

18+

ДОСТАТОЧНЫЙ

★ ТОМ 1 ★

[Глеб-Аль. Уровень: 8]

[Теория форм: ур. 3 → ур. 5]

[Заклинание модифицировано]

Мелочный Маг

Достаточный. Том 1

«Издательские решения»

Маг М.

Достаточный. Том 1 / М. Маг — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Он погиб, спасая человека, и очнулся младенцем в мире магии. Здесь его зовут Аль, но память Глеба Воронцова, московского аспиранта, осталась с ним. Только у него есть интерфейс, показывающий характеристики, навыки и результаты действий. Но готовых решений он не выдаёт. Нет наследства древнего рода, наставника в кольце и силы за красивые глаза. Чтобы выжить и стать сильнее, Аль скрывает настоящий рост, разбирает заклинания, ставит опыты и проверяет всё, чему местные маги привыкли просто верить.

© Маг М.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	18
Глава 9	19
Глава 10	21
Глава 11	22
Глава 12	23
Глава 13	24
Глава 14	25
Глава 15	26
Глава 16	27
Глава 17	28
Глава 18	29
Глава 19	30
Глава 20	31
Глава 21	32
Глава 22	33
Глава 23	34
Глава 24	35
Глава 25	36
Глава 26	37
Глава 27	38
Глава 28	39
Глава 29	40
Глава 30	41
Глава 31	43
Глава 32	44
Глава 33	45
Глава 34	46
Глава 35	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Достаточный. Том 1

Мелочный Маг

© Мелочный Маг, 2026

ISBN 978-5-0071-2947-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0071-2948-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название: Достаточный. Хроники аспиранта, попавшего под грузовик. Том 1.

Автор (-ы): Мелочный маг

От автора

«Достаточный» начинался с простого вопроса: что будет, если человек с техническим складом ума попадёт в мир магии и вместо того, чтобы принимать её как чудо, начнёт разбирать по частям?

Это история не о мгновенном могуществе и не о великой миссии. Аль растёт, учится, ошибается, экспериментирует и старается не выделяться сильнее необходимого.

Спасибо, что открыли эту книгу. Надеюсь, вам будет интересно вместе с героем выяснить, как на самом деле устроен этот мир.

Глава 1

Последнее, что я сделал в жизни, — уступил дорогу бабушке с тележкой.

Понимаете иронию? Меня растили в интеллигентной семье. Папа — доцент кафедры теорфизики, мама — преподаватель французского. Меня с детства учили: мой руки, читай Стругацких, уступай старшим. И вот я уступаю, делаю шаг назад — а там, вопреки всем законам городской логистики, летит фура. По пешеходной зоне. Со скоростью, которую физик-папа назвал бы «несовместимой с гипотезой о трезвом водителе».

Дальше — хруст, белый свет и тишина.

Я, как человек начитанный, сразу всё понял. Я прочитал столько ранобэ, что диагноз поставил себе раньше, чем боль дошла до мозга: грузовик-кун. Классика жанра. В Японии он возит школьников, в Корее — офисных клерков, а до России, выходит, тоже добрался. Импортозамещение не сработало.

«Ну, — подумал я, паря в белом ничто, — сейчас будет богиня. Симпатичная, извинится за ошибку в документах, выдаст чит».

Богини не было. Была строчка:

[Инициализация души... 47%]

Загрузочный экран. Меня встретил загрузочный экран. Двадцать лет жизни, красный диплом на горизонте, несданный кандидатский минимум — и всё это свелось к полоске прогресса. Я бы заплакал, но у души, как выяснилось, нет слёзных желёз.

[Инициализация завершена.]

[Добро пожаловать, Безымянный.]

[Раса: человек. Возраст: 0 лет, 0 дней, 3 минуты.]

Три минуты?..

И тут включились ощущения. Все сразу. Холодно. Мокро. Ярко. Кто-то держит меня огромными руками и что-то басит. Я попытался спросить, где я, — и услышал собственный голос.

«УА-А-А-А!»

Так. Спокойно, Глеб. Ты — младенец. Это штатная ситуация для жанра. Дыши. Точнее, ори — дышать ты пока умеешь только так.

Первые месяцы я предпочту описать сухо, как в отчёте по лабораторной, потому что подробности унизибельны.

Пункт первый: тело младенца — худший стартовый персонаж в истории. Голова не держится. Руки промахиваются мимо собственного лица. Мочевой пузырь живёт отдельной политической жизнью и объявляет независимость без предупреждения.

Пункт второй: кормление. Я двадцатилетний мужчина со здоровым, подчёркиваю, абсолютно нормальным интересом к противоположному полу. Так вот: за эти месяцы этот интерес умер, был похоронен и сверху залит бетоном. Когда кормилица в десятый раз за день... в общем, я закрывал глаза и мысленно решал интегралы. Папа гордился бы. Психотерапевт этого мира — если они тут есть — озолотился бы.

Пункт третий, и единственный приятный: интерфейс.

[Имя: Глеб (самоопределение) / Аль (данное)]

[Уровень: 1]

[Сила: 1 | Ловкость: 1 | Выносливость: 2 | Интеллект: 14 | Мудрость: 11 | Мана: 27]

Видите этот интеллект? Четырнадцать. У взрослых крестьян вокруг — я подглядел через функцию [Осмотр], которая открылась на третьем месяце, — интеллект болтался между шестью и девятью. То есть я, лёжа в люльке и пуская пузыри, был умнее старосты деревни в

полтора раза. Знание матанализа, как выяснилось, конвертируется. Спасибо, папа. Спасибо, ненавистный семинар по уравнениям математической физики. Ты был не зря.

А теперь про ману. Двадцать семь. Я не сразу понял, много это или мало, пока не осмотрел деревенского знахаря, который зашёл лечить мне колики. У него было двенадцать. У взрослого. Профессионала.

В тот момент внутри меня проснулось то самое, корейское. Знаете, это чувство, когда герой понимает, что у него есть несправедливое преимущество, и вместо благодарности небу начинает холодно считать, как его монетизировать. Я лежал в люльке, смотрел в потолок из плохо отёсанных балоков и думал: «Так. Двадцать семь маны в нулевом возрасте. Мана растёт с уровнем и от тренировок. Если начать качать её сейчас, пока конкуренты пускают слюни без задней мысли...»

Я тоже пускал слюни. Но с задней мыслью. Это принципиальная разница.

К году я выяснил расклад.

Родился я в деревне Нижние Плёсы... то есть, простите, Верхний Оствик, барония Кельдран, королевство Астерия. Семья — не крестьяне, что уже удача: отец, Борен, — деревенский кузнец, человек с руками-кувалдами и сердцем сенбернара. Мать, Мила, — травница. По местным меркам — интеллигенция. Судьба, видимо, решила соблюсти преемственность: был сыном доцента, стал сыном кузнеца. Понижение? С точки зрения местной экономики — кузнец в деревне важнее доцента в городе, я проверял.

Магия в этом мире была. И — вот тут внимание — была она сословной. Гильдия магов принимала на обучение за деньги, которых у кузнеца не будет никогда, либо через экзамен для «одарённых», который проводили раз в четыре года, и на который из нашей глуши последний раз кто-то ездил при прошлом бароне.

Любой нормальный попаданец в этот момент начинает страдать. Я начал считать.

Дано: мана есть, доступа к обучению нет. Что делает русский человек, когда официальная система его не пускает? Правильно. Русский человек находит обходную тропинку, и желательно такую, чтобы систему потом ещё и оштрафовать за моральный ущерб.

Тропинка обнаружилась в лице моей матери. Травница, как выяснилось, — это не «бабка с ромашками». Мила использовала ману. Крохи, интуитивно, без школы — она называла это «тёплые руки» и искренне считала даром богини Ильвы. Когда она заговаривала мне ушиб, я через интерфейс видел:

[На вас воздействует: Малое исцеление (искажённое). Эффективность: 31%]

Тридцать один процент. Она всю жизнь пользовалась заклинанием, собранным наощупь, как радиоприёмник из журнала «Юный техник», и оно работало на треть. А система — моя система — видела структуру. Видела, где утечка.

Ночью, когда дом засыпал, я лежал и делал то, что делал бы любой сын доцента теорфизики: ставил эксперименты на себе. Гонял ману по телу. Сначала она не слушалась вообще. Потом — как мокрая нитка в игольное ушко. К полутора годам я открыл первое системное сообщение, от которого чуть не завопил в голос:

[Получен навык: Медитация (ур. 1)]

[Скорость восстановления маны +5%]

К двум годам:

[Медитация (ур. 4)]

[Получен навык: Восприятие маны (ур. 2)]

[Объём маны: 27 → 31]

За год ночных тренировок я увеличил ресурс, лёжа в кроватке. Где-то в столице сын герцога в этот момент увеличил количество игрушечных пони. Мы шли разными путями.

Проблема нарисовалась там, где я не ждал, — в социальном слое.

Дети в два года говорят «мама», «дай» и «нет». Я держался, честно. Я мычал, коверкал слова, старательно изображал возрастную норму. Но однажды вечером отец, вернувшись из кузни, при мне пожаловался матери, что заказ на подковы для баронского обоза считать заму-чил — «двенадцать лошадей, по четыре подковы, да десятую часть про запас, голова пухнет».

И я, двухлетний, сидя на полу с деревянной лошадкой, сказал:

— Пятьдесят три.

Тишина в доме была такая, что я услышал, как в углу мышь передумала выходить.

— Чего? — спросил отец.

Отступать было некуда. Врать «агу» после чёткого числительного — только хуже.

— Двенадцать по четыре — сорок восемь. Десятая часть — четыре и восемь десятых, округляем вверх, — я вздохнул. — Пятьдесят три подковы, пап.

Мать медленно села на лавку. Отец посмотрел на меня, потом на свои руки, потом снова на меня — и в его глазах я прочитал не страх, а тяжёлую крестьянскую работу мысли. Наконец он повернулся к жене и сказал фразу, за которую я уважал его на всю жизнь:

— Мил. А ведь за умного сына на экзамене в Гильдии, говорят, семье подъёмные платят.

Вот. Вот она, точка соприкосновения цивилизаций. Я мысленно пожал ему руку. Мужик мгновенно перевёл аномалию в актив.

— Борен! Ему два года! — ахнула мать. — И до экзамена ещё...

— Два года и есть, — согласился отец. — Как раз к следующему подрастёт. — Он присел передо мной на корточки, глядя серьёзно, как на взрослого. — Считать, значит, умеешь. А чего ещё умеешь, сын?

Я посмотрел на него. Посмотрел на свою ладошку. И решил, что момент подходящий: всё равно спалился, а союзник с кулаками кузнеца в этом мире дороже конспирации.

Я потянул те самые «тёплые руки», которые два года разбирал по ниточкам, глядя на мать, — только собрал контур правильно, без утечек. Над ладонью загорелся крохотный, с ноготь, шарик тёплого света.

[Получено заклинание: Светлячок (ур. 1)]

[Впервые в этом поколении деревни Верхний Оствик применена структурированная магия.]

[Скрытое достижение: «Сам дошёл». Интеллект +1]

Мать прижала руки ко рту. Отец долго смотрел на огонёк, и на его лице медленно, как рассвет над кузней, проступала улыбка человека, который понял, что подковы — это теперь не главный семейный бизнес.

— Так, — сказал кузнец Борен и хрустнул пальцами. — Никому. Ни слова. Особенно старосте.

Я погасил светлячок и кивнул. Определённо, мы с этим человеком родственники.

До гильдейского экзамена оставалось три года. У меня был план, тридцать одна единица маны и отец, готовый ради моего будущего врать всей деревне.

Для начала — неплохой билд.

Глава 2

Отец подошёл к делу как к ковке: методично и с утра пораньше.

На следующий день после «пятидесяти трёх подков» он сколотил мне в углу кузницы загородку. Официально «чтоб дитё под молот не лезло», фактически наблюдательный пункт: в кузне грохот, искры и вечно занятой хозяин, туда никто не суётся поболтать. Идеальное место прятать странного ребёнка.

— Сидишь тут, — сказал он, ставя меня за загородку. — Светишься, только когда я один. При чужих говоришь как положено.

— Как положено, это как? — спросил я.

— Агу, — мрачно сказал отец.

Мать повела себя неожиданно. Я готовился к слезам и походу к жрецу. Вместо этого Мила три дня ходила молчаливая, а на четвёртый села передо мной с пучком сушёного корневища:

Это желтень. От жара. Заваривают на трёх водах. Повторяй.

Учить она умела страшно: без скидок на возраст, с опросом по вчерашнему. К концу третьего месяца я знал сотню трав, и интерфейс исправно фиксировал:

[Травничество: ур. 2 → ур. 3]

Настоящая работа шла ночью и была скучна, как всё настоящее.

Секрет, который я нащупал быстро: система любила не силу, а повторение. Ей было плевать, сколько маны я вбухал в заклинание. Ей было важно, сколько раз я его собрал.

Поэтому Светлячок я не «использовал». Я его жёг. Каждую ночь, часами, крохотный, на самом слабом накале, под одеялом. Зажёг, погасил, зажёг, погасил. Триста раз за ночь. На вторую неделю пальцы делали это без участия головы, как папа когда-то щёлкал костяшки счетов.

[Светлячок: ур. 2 → ур. 3. Расход маны снижен]

[Получен навык: Тихое колдовство (ур. 1). Условие: 1000 применений заклинаний без внешних проявлений]

Тысяча применений. Система прямым текстом сказала мне, как её доить, и я доил.

«Тёплые руки» матери я разобрал по контурам: забор маны, преобразование, отдача, и на всех трёх у Милы текло, как в старом водопроводе. Я собрал схему заново и тренировал на себе: днём честно обдирал коленку о загородку, ночью лечил. Потом коленок стало не хватать, и я перешёл на кузнечного кота Уголька, который вечно ходил драный после дворовых войн.

[Малое исцеление: ур. 3 → ур. 4. Эффективность: 61%]

[Уголёк относится к вам: обожание]

Мана за год выросла с двадцати семи до тридцати четырёх. Смешно? Мне тоже сначала было смешно. А потом я осмотрел деревенского знахаря: двенадцать. Взрослый мужик, всю жизнь в ремесле, двенадцать единиц. Резерв тут рос медленно у всех и всегда, как мышца. Зато навыки решали: моё исцеление четвёртого уровня на тридцати четырёх единицах делало больше, чем его корявое ремесло сделало бы на сотне.

Не цифры. Уровни. Я записал это на внутренней стороне черепа большими буквами.

Вечером отец выложил на стол медяк:

— Смотри. До экзамена две весны. Экзамен в Гронхольме, четыре дня пути, взнос серебряный. У нас нет. Весной барон гоняет обозы к перевалу, кузнец при обозе нужен, платят вдвое. Пойду, — сказал отец.

— Возьми меня, — сказал я.

— Тебе три года, — ответил отец.

— Мне три года, я лечу ссадины лучше знахаря и вижу, кто из людей вымотался, а кто прикидывается. На перевале это полезней, чем дома, — сказал я.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом человека, который уже знает, что проиграет спор, но обязан его провести.

— Плечо, скажешь, тоже видишь? — спросил отец.

— Левое. К дождю ноет. Сегодня ты молот в правую перекладывал, — сказал я.

Он коротко хохотнул, как кашлянул, и взъерошил мне волосы:

— Ладно. Но в обозе ты обычное дитё. Каша, слёзы, «хочу до ветру», — сказал отец.

— Агу, — подтвердил я.

Глава 3

Мать сдалась в комплекте с собой: «ребёнка одного с мужиками не отпущу, а травница обозу нужна не меньше кузнеца». Так в апреле я впервые увидел мир дальше околицы из корзины, притороченной к телеге.

Обоз был серьёзный: одиннадцать телег, возчики, десяток стражников и купец Ортвин, человек-шар с голосом полкового барабана. Первые два дня я честно работал младенцем: пускал слюни, тыкал пальцем в птичек. Между делом смотрел.

Это было как впервые попасть в библиотеку после года на одном букваре. Возчик Тимма, ур. 6, [состояние: похмелье, хроническое]. Стражник Дарг, ур. 12, [Копьё: ур. 8], местный максимум. А у купца в строке состояний висело:

[Ортвин. Состояние: проклятие (слабое, накапливающееся). Источник: предмет]

Первое живое проклятие в моей практике. Купец о нём не знал: был бодр и ел за троих. Но слово «накапливающееся» мне не нравилось. Я в прошлой жизни достаточно дебажил чужой код, чтобы уважать утечки.

К третьему дню вычислил: интенсивность росла к вечеру, когда Ортвин пересчитывал выручку. Ночью я дополз до купеческой телеги. Три года, между прочим, идеальный возраст: никто не спросит, зачем ты под телегой.

[Кольцо купеческой удачи (подделка). Эффект: удача +1. Скрытый эффект: вытягивание жизненной силы владельца. До критического истощения: ~40 дней]

Сказать нельзя: трёхлетка, читающий проклятия, это не к награде, это к жрецам на проверку. Украсть нельзя: хватятся, обыщут, крайним выйдет тот, кто беднее. Оставалась строчка из системной справки, которую я вытянул за неделю ковыряния: малые наложенные эффекты рассеиваются при перегрузке маной носителя.

Влить в дешёвую структуру больше, чем она держит. Грубо, по-деревенски, как выжечь клеща.

Я тянул ману тонкой струйкой через щель сундука, через Тихое колдовство, полчаса. Кольцо сопротивлялось дольше, чем я рассчитывал, и когда резерв просел почти в ноль, я уже прикидывал, как объяснять матери ребёнка в обмороке под чужой телегой. И тут:

[Структура предмета разрушена. Проклятие рассеяно]

[Кольцо купеческой удачи → Медное кольцо (хлам)]

[Скрытое достижение: «Санитар рынка». Мудрость +1]

Утром Ортвин, обнаружив позеленевшую медяшку, орал так, что лошади присели. Обвинял богов, поставщика и лично перевал. Про своё здоровье он так и не узнал, и слава богу.

А я лежал в корзине пустой, как выжатая тряпка, восстанавливался и думал, что счёт открыт: мир — 0, младенец — 1.

Глава 4

На шестой день дорога полезла вверх. Перевал Гримсток даже весной место неласковое: серый камень, ветер, тропа в полторы телеги и обрыв, в который лучше не смотреть.

Работы у родителей стало море. Отец перековывал лошадей на шипованные подковы, мать поила возчиков отваром от горной хвори. Я сидел рядом и делал единственное доступное полезное дело.

[Возчик Одо. Состояние: горная болезнь (тяжёлая), скрывает]

За болезнь на перевале высаживали с обоза без оплаты, вот и скрывал. Я подёргал мать за рукав и ткнул пальцем:

Дядя. Красный.

Мила пригляделась, травница она была настоящая, и через минуту Одо, ругаясь, пил её отвар.

— Носом чуешь, что ли, — пробормотала мать.

— Агу, — отозвался я.

Беда пришла на второй день перевала. Обоз втягивался в узорь, слева стена, справа обрыв, когда сверху посыпалась крошка. Я поднял голову и увидел то, чего не видел никто:

[Скальный карниз. Целостность: 12%. Разрушение: неизбежно]

Красная строчка. Первая красная строчка за всю мою практику, и висела она над серединой обоза.

Крикнуть «осторожно»? Трёхлетка орёт постоянно, никто не дёрнется. Я сделал единственное, что умел делать громко и легитимно: заорал так, как орёт ребёнок, которому в глаз влетела мошка, выгибаясь и тыча рукой в стену. И под этот ор швырнул в карниз весь резерв одним сырым толчком. Не разрушить. Поторопить, пока все смотрят, куда тычет орущее дитё.

Карниз хрустнул на секунду раньше, чем дошёл бы сам.

КАМНИ! — рывкнул Дарг, и дальше сработала выучка: люди прынули от стены, лошадей рванули, и несколько тонн камня грохнулись на тропу позади седьмой телеги. В пыль, в визг, в чей-то мат. И ни в кого.

Когда пыль осела, Дарг снял шлем, посмотрел на меня, профессионально рыдающего у матери на руках, и сказал:

Дитё услышало. Малые слышат, как гора дышит. У нас в роте старик один так же мог.

Версия ушла в народ мгновенно. К вечеру я был «дитём, что слышит гору», мне тащили сушёные ягоды, а Ортвин пообещал отцу место в крытой телеге на обратный путь.

[Скрытое достижение: «Показал, не показав». Тихое колдовство: ур. 3 → ур. 4]

Ночью отец лёг рядом и шепнул в темноту, не поворачивая головы:

— Карниз сам упал? — спросил отец.

— Почти, — ответил я.

Он помолчал.

— Что, всё своё колдовство разом спустил? Ты весь вечер жуёшь, как после сенокоса, и руки трясутся, — сказал отец.

— До доньшка, — признался я.

— Значит так. Гордись, ты сегодня четверых спас. И запомни: в следующий раз орёшь сразу. Сначала люди, потом твои прятки, — сказал отец.

Я хотел объяснить, что без толчка ор запоздал бы. И не стал: он был прав в главном, а я в частности, а умный человек в такой ситуации молчит.

— Понял, пап.

— Спи, гора ты моя слуховая, — сказал я.

Глава 5

Слухи добрались до Верхнего Оствика раньше нас: возчики разнесли историю про кузнецова сына, добавив для красоты, что я предсказал обвал за день и в стихах. К осени история докатилась туда, куда ей докатываться было совсем не нужно.

В деревню приехал маг. Мэтр Корвус: сухой человек в мантии Гильдии, с лицом налогового инспектора и глазами человека, который двадцать лет ездит проверять слухи об одарённых детях и в девятнадцати случаях из двадцати находит косоглазого гуся.

[Мэтр Корвус. Ур. 31. Класс: маг (земля/поиск). Состояние: скука (хроническая)]

Тридцать один против моего пятого. Впервые за три года я почувствовал себя тем, кем формально являлся.

Осмотр детей шёл в доме старосты: мутный кристалл, «положи руку». Мы с отцом провели совещание накануне.

— Не пойти нельзя, — сказал Борен. — Все знают, что ты гору слышишь. Не приведу, сам придёт, с вопросами.

— Значит, идём и светимся. Чуть-чуть. Одарённых он видел, они его не удивляют. Видел его лицо? Он мечтает уехать, — сказал я.

В доме старосты пахло потом, пирогами и надеждой. Передо мной кристалл трогали семеро: шесть погасших лиц и девочка Ланка, дочь мельника, при ней камушек засветился, как гнилушка в болоте.

Моя очередь. Осмотр выдал по кристаллу главное:

[Кристалл первичной оценки. Показывает яркостью объём маны, отданной в контакт]

Отданной. Не имеющейся, а отданной. То есть светиться он будет ровно настолько, насколько я захочу. Вся хитрость сводилась к дозировке: дать в касание тонкую струйку, чтобы вышло «способный деревенский ребёнок», и ни капель больше.

Я положил ладошку и отпустил в камень ниточку. Кристалл засветился чуть тусклее, чем у Ланки. Для достоверности образа я оттопырил губу и попытался камушек лизнуть.

Корвус впервые за день поднял глаза:

— Это который гору слышал?

Скучающий взгляд на мгновение стал взглядом поисковика тридцать первого уровня, и по мне мазнуло, как лучом фонаря по стене.

[Вы подверглись воздействию: Оценивающий взгляд (ур. 6). Тихое колдовство: частичное противодействие. Передано: искажённые данные]

Я улыбнулся магу самой глупой улыбкой из младенческого арсенала:

— Дядя каменный! — сказал я.

— Земляной, — машинально поправил Корвус и хмыкнул. Что бы ни показал ему взгляд, оно легло в границы «бывает». — Мельникову дочь и кузнецова сына в список на экзамен в Гронхольме. По серебряному взносу с семьи. Следующий.

Ночью я лежал и думал не про Корвуса. Про строчку «передано: искажённые данные». Система соврала за меня взрослому магу. Сама, без запроса, как что-то само собой разумеющееся.

Инструмент, который так охотно помогает прятаться. На чьей он вообще стороне?

Глава 6

Зиму перед экзаменом я запомню по трём вещам: по запаху сушёного желтения, по звону отцовского молота сверхурочными вечерами и по Ланке.

Мельникова дочь стала являться через день. Официально мать учила её травам, «раз уж девочке в магии». Фактически Ланке было шесть, она была одарённой, до смерти напуганной этим фактом, и в нашем доме её впервые не звали ведьмой.

— А в Гильдии быют? — спросила она, когда мы перебирали корешки.

— За одарённых платят. Кто ж бьёт то, за что платят, — ответил я.

— Ты чудной, Аль. Говоришь как дед-меняла, — сказала Ланка.

— Мамка уронила, — вздохнул я.

Полезной Ланка оказалась неожиданно: при ней можно было тренироваться в открытую, потому что «мы играем». Мы «играли в огоньки»: кто дольше продержит светлячок. Она выдыхалась за минуту, я держал часами, но гас первым, для порядка.

[Светлячок: ур. 5 → ур. 6. Открыта модификация: изменение спектра]

Спектр я выкрутил в невидимый и греющий. Крохотная незримая печка над ладонью, зимой в кузне вещь бесценная. Ланка божилась, что у меня «ладошки как у мамки твоей», и была права больше, чем думала.

С Каменной ладонью вышла отдельная история. Заклинание я снял с Корвуса: тот походя разравнивал ладонью колею перед телегой, и система выдала:

[Получено заклинание: Каменная ладонь (ур. 1). Подражание наблюдаемому образцу]

Подражание. Магию можно снимать с наблюдения. Я неделю ходил под впечатлением, а потом начал качать. За кузней у нас был пустырь, весь в кочках, и я под видом игры «строю крепость» разравнивал его квадрат за квадратом. Метр за подход, больше первый уровень не тянул. Кочка, ровно. Кочка, ровно. Двести раз.

Хозяйственный растёт, — умилялась соседка через плетень.

[Каменная ладонь: ур. 1 → ур. 3]

К концу зимы пустырь стоял ровный, как стол, отец поставил на нём точило, а я усвоил второй закон системы: любую тренировку можно легализовать, если она полезна в хозяйстве.

Мана к отъезду доросла до сорока девяти. Смешные цифры, но я больше на них не молился: моё исцеление седьмого уровня по эффективности догнало, судя по системным сноскам, учебничные образцы. Уровни. Не цифры.

Выехали в конце апреля: отец, я, Ланка и мельник, который всю дорогу молился и мешал. Мать на прощание зашила мне в подклад мешочек желтения и, наклонившись, сказала совсем не то, что я ждал:

— Там, в городе, не вздумай быть лучше всех. Лучших забирают далеко. Будь достаточным. Понял меня, сын?

Я посмотрел в её спокойные глаза и понял: у моих родителей стратегическое мышление в полном порядке безо всякого интерфейса. Просто у них оно называется «пожить подольше».

Гронхольм открылся с холма на четвёртый день: серый, каменный, с гильдейской башней над крышами.

[Башня Гильдии, отделение Гронхольм. Активных магических контуров: 214. Обнаружен контур наблюдения. Обнаружен контур подавления. Обнаружен контур: классификация недоступна]

Классификация недоступна. Система читала проклятые кольца и скальные карнизы, а тут развела руками. Впервые.

— Красивая башня, — сказала Ланка рядом.
— Ага, — сказал я. — Глаз не оторвать.

Глава 7

Гронхольм пах так, как пахнет любой город без канализации, и я, человек, выросший при центральном водоснабжении, первые полчаса дышал через раз. Потом привыкался. Ко всему привыкаешь, особенно если тебе пять и выбора нет.

Постоялый двор «Хромой гусь» брал медяк за ночь с человека и полмедяка с детей. Мельник торговался за эти полмедяка так, что хозяин в итоге накинул нам утреннюю кашу, лишь бы замолчал. Полезный всё-таки человек, когда молится молча.

До экзамена оставалось три дня, и я употребил их с максимальной пользой: попросился «посмотреть город», получил в сопровождение отца и пошёл смотреть. Не город. Магов.

В Гронхольме их было как в нашей деревне кур. Гильдейский подмастерье зажигал вечерние фонари с лентой человека, которому за это платят. Уличная гадалка гоняла над столом настоящий, к моему удивлению, огонёк. Возле управы немолодая магичка сушила заклинанием промокшие мешки с зерном.

[Получено заклинание: Малая искра (ур. 1). Подражание]

[Получено заклинание: Сухой ветер (ур. 1). Подражание]

Я шёл по улицам, как голодный по рынку, и складывал в корзину. Отец быстро понял, что я делаю, и начал подыгрывать: останавливался «поглазеть» ровно там, где работал очередной маг, и глубокомысленно спрашивал у мастеров какую-нибудь ерунду про цены на уголь, покупая мне лишнюю минуту наблюдения.

— Ну? — спрашивал он, отходя.

— Взял, — отвечал я.

— Ишь ты. Как я поковку глазами снимаю, — хмыкал отец, и в этом было столько цехового одобрения, что я почти краснел.

Вечером второго дня случилась первая накладка. Возле башни Гильдии дежурный маг проверял повозки поисковым импульсом, и когда мы проходили мимо, импульс мазнул по толпе.

[Вы подверглись воздействию: Поисковый импульс (ур. 4). Тихое колдовство: противодействие успешно]

Успешно. Не «частично», как с Корвусом, а чисто. Четвёртый уровень навыка против четвёртого уровня заклинания. Я на ходу переписал в голове все приоритеты прокачки: Тихое колдовство отныне шло первым номером, до экзамена его надо было дотянуть хотя бы до пятого. Ночью в «Хромом гусе» я лежал и часами гонял под одеялом невидимый светлячок, собирая и разбирая его максимально «тихо», пока перед глазами не поплыло.

[Тихое колдовство: ур. 4 → ур. 5. Условие: 500 применений под внешним наблюдением]

Под внешним наблюдением. Система засчитала мне спящих соседей по комнате как наблюдателей. Педант и крюкотвор, но в мою пользу.

А на третий день, за сутки до экзамена, я снова посмотрел на башню. Двести сорок контуров. Наблюдение, подавление и то, безымянное. Оно за три дня не сдвинулось, не мигнуло, не изменилось. Просто висело где-то в глубине, ниже уровня земли, если я правильно читал схему.

Спит, решил я. Вот и пусть спит. У меня завтра экзамен.

Глава 8

Во двор Гильдии набилось десятка четыре детей и вдвое больше родителей. Родителей за ограду не пустили, и отец на прощание сказал мне ровно одно слово:

— Достаточным, — сказал отец.

— Помню, — ответил я.

Вызывали по списку записи, кто когда внёс взнос. Мельник, спасибо его жадности, тянул до последнего, так что мы с Ланкой шли в самом хвосте очереди, а Тедрик, племянник казначея, записанный дядей в первый же день, аккурат перед нами. Про то, что он племянник казначея, очередь узнала от него трижды за час.

Над двором висело давление, как перед грозой: контур подавления мягко прижимал чужую ману. Детей это пугало до икоты, хотя никто не понимал, чего именно боится. Ланка вцепилась мне в рукав и не отпускала.

[Вы находитесь под воздействием: Поле подавления (ур. 7). Эффект на вас: снижен]

Экзаменаторов было трое: знакомый Корвус, толстый добродушный мэтр Бомбар и женщина по имени магистресса Ирэн, при взгляде на которую осмотр выдал [ур. 44] и вежливо замолчал про остальное.

Первый день был скучным: замеры. Кристаллы, потом таблички с рунами «прочти, что чувствуешь», потом собеседование. Я работал по стратегии «крепкий середняк»: в камень отдал две трети от Ланкиной струйки, на рунах «почувствовал» половину, на собеседовании старательно ковырял в носу.

Проблема нарисовалась в очереди. Тедрик, скучая, обернулся и громко сказал:

А от этого деревней воняет.

Очередь захихикала. Рядом побелела Ланка, которая и так держалась на одном честном слове, и вопрос из личного стал практическим.

Воняет, — согласился я громко и с интересом его оглядел. — Навозом. Мы на нём приехали, телега за воротами. А ты чем приехал, что от тебя духами пахнет, как от тётки?

Очередь грохнула. Дети существа простые: кто последний смешно сказал, тот и прав. Тедрик пошёл пятнами, но тут Бомбар рявкнул «следующий», и раунд остался за деревней.

— Ты зачем? — шёпотом ужаснулась Ланка. — Он же казначеев!

— А я горой контуженный, мне можно, — сказал я.

Вечером у ворот вывесили предварительный рейтинг по итогам замеров. Сорок один участник. Ланка седьмая. Тедрик девятнадцатый. Я двадцать третий.

Достаточно. Ровно достаточно.

Глава 9

Второй день назывался «показ» и был для меня не экзаменом, а магазином.

Порядок сменили: если вчера вызывали по записи взносов, то сегодня шли по вчерашнему рейтингу, от сильных к слабым. Логику мне объяснил Бомбар, добродушно раздавая всем по прянику с утра: «Пусть сперва хорошие покажут, а робкие поглядят и осмелеют». Так что Ланка шла седьмой, Тедрик девятнадцатым, а я двадцать третьим, в глубоком хвосте, откуда прекрасно видно чужие руки и никому нет дела до твоих.

Начали. Каждому экзаменаторы демонстрировали три простых заклинания: искру, водяную нить и толчок воздуха, а потом просили повторить как получится. Проверяли не силу, а обучаемость: способность снять форму с показа.

Мою способность снимать форму с показа. Всю жизнь готовился, называется.

Первую же демонстрацию, ещё для чужого мальчишки в начале очереди, система сожрала целиком:

[Получено заклинание: Водяная нить (ур. 1). Подражание]

[Получено заклинание: Толчок (ур. 1). Подражание]

[Малая искра: образец повторно проанализирован. Ур. 1 → ур. 2]

Дальше можно было просто сидеть на солнышке и наслаждаться. Что я и делал, изображая полудрёму и заворожённого зрителя одновременно.

Ланка, когда её вызвали, блистала. Искра вышла с первого раза и вдвое ярче образца, нить она свила сама, без второго показа, а на толчке Ирэн задержала на девочке взгляд и что-то пометила в списке. Мельник в толпе за оградой был от гордости так, что его слышали, кажется, в Верхнем Оствике. Я смотрел со смешанным чувством: гордость за подругу пополам с материнским «лучших забирают далеко», которое теперь касалось не меня.

Дальше пошла середина списка, скучная, и я успел задремать по-настоящему, пока не докатилось до девятнадцатого.

Тедрик вышел на площадку с лицом человека, который вчера при всей очереди сел в лужу и намерен сегодня выиграть войну. Дурная примета.

Искру он повторил чисто: репетитор у казначеева племянника был, и неплохой. Нить свил. А на толчке решил показать всё, что имел.

Он влил в учебную форму весь свой детский резерв разом.

Я увидел это раньше экзаменаторов, потому что смотрел не на мальчику, а на заклинание. Форма поплыла:

[Нестабильная структура. Разрыв: 3... 2...]

Разорвись оно в руках, мальчишке посекло бы кисти. Ирэн уже вскидывала ладонь, но её щит шёл на зрителей, не на Тедрика: экзаменатор в первую очередь прикрывает толпу детей, это правильно и это не спасало.

Дальше я действовал без участия совести, на голом рефлексе человека, который ненавидит, когда код падает у него на глазах. Микротолчок, слабейший, снятый час назад с чужого показа, точно в основание чужой формы. Не погасить, на это не хватило бы ни маны, ни времени. Скособочить, чтобы разрыв ушёл вверх и наружу.

Хлопнуло над головами.

Тедрика швырнуло на землю, зарёванного, оглохшего и целого. Ирэн развеяла остатки, Бомбар побежал щупать мальчишке руки, взрослые за оградой заорали, Корвус скучающе записал в лист: «дисквалификация за нарушение формы».

И сразу после хлопка Ирэн выпрямилась и обвела двор взглядом. Всех разом, вместе со зрителями, ученической скамьёй и мной.

[Вы подверглись воздействию: Оценивающий взгляд (ур. 9). Тихое колдовство: противодействие успешно]

Девятый уровень. Навык, откормленный тысячами ночных повторений под одеялом, выдержал.

Продолжаем, — сказала магистресса. — Двадцатый.

Продолжали в подавленной тишине, все четверо оставшихся мазали и мямили, и когда дошло до меня, двадцать третьего, я на этом фоне выглядел совершенно органично. Искру повторил с третьей попытки, водяную нить с четвёртой, а толчок, тот самый, которым только что спас казначеева племянника, честно не осилил и, глядя на дымящуюся площадку, расплакался.

Плакать было легко. Пять лет тела, знаете ли, кое-чему учат: слёзы у него на подхвате, только разреши.

— Ну-ну, малой, — Бомбар сунул мне пряник, второй за день. — Испугался? Все испугались. Ты в травах хорош, мне Липп говорил, а толчок дело наживное.

Пряник был хорош.

Вечером у ворот вывесили итог. Принято одиннадцать из сорока одного. Ланка четвёртая. Тедрик вычеркнут. Я одиннадцатый, последний в списке.

Идеально. Никто не смотрит на последнего в списке.

Глава 10

Подъёмные оказались настоящими: по три серебряных семье каждого принятого, плюс содержание ученика за счёт Гильдии. Отец, получив монеты, взвесил их на ладони и сказал негромко:

— Полгода кузни. За то, что ты камушек потрогал, — сказал отец.

— За то, что я его правильно потрогал, — уточнил я.

Но с крючком внутри наживки я тоже не ошибся. На следующий день семьи принятых собрали в зале, и магистресса Ирэн объявила порядок: девять учеников остаются при гронхольмском отделении, а двоих, «показавших выдающийся потенциал», Гильдия рекомендует к переводу в столичную Академию. На полном пансионе. С выплатой семьям.

Первым названным потенциалом была Ланка.

Мельник просиял и начал кланяться. Ланка нашла меня глазами через весь зал, и в этих глазах было всё: столица, одна, в семь лет, среди чужих. «Лучших забирают далеко», мама, ты как всегда.

Вторым, к моему облегчению, назвали незнакомого городского мальчика. Стратегия «одиннадцатый в списке» отработала на все деньги.

Дальше начиналась часть, которой в плане не было. Я потянул отца за рукав, и мы отошли к мельнику.

— Отказывайся, — сказал я мельнику тихо.

— Сдурел, малец? Столица же! Пансион! — опешил мельник.

— Дядька Ярис. Ты грамоту в бумагах разобрал, которые подписывал? Там при переводе в Академию опекунство над одарённым переходит Гильдии. Полностью. Захотят, выдадут её замуж за нужного человека в шестнадцать, и ты не спросишь. Здесь, в Гронхольме, она ученица и твоя дочь. Там она имущество, — сказал я.

Про опекунство я не выдумал: осмотр читал документы так же охотно, как людей, а бумаги вчера лежали на столе у писаря открытыми. Мельник побагровел, побледнел и пошёл к Ирэн отказываться. Ирэн выслушала его с лицом человека, у которого крестьяне отказываются от столицы примерно никогда, перевела взгляд поверх мельниковой головы, по залу, по мне, и на пол-секунды задержалась.

[Оценивающий взгляд (ур. 9). Противодействие: успешно]

Как угодно, — сказала магистресса. — Девочка останется в Гронхольме. Оба останутся, — она чуть заметно усмехнулась, — раз уж вы из одной деревни. Дети легче учатся парой.

Мы вышли, и отец всю дорогу до «Хромого гуся» молчал. У самых дверей сказал:

— Про опекунство сам вычитал? — спросил отец.

— Сам. В пять лет. Мне повезло с почерком писаря, — ответил я.

Отец посмотрел на меня сверху вниз, тяжело и долго, как смотрел на поковку, решая, готова или отправить обратно в горн.

— Мать просила тебя беречь. А я вот гляжу и думаю: кого от кого, — сказал отец.

Глава 11

Родители уехали через неделю, оставив меня в dormitorio гильдейского отделения: комната на четверых, соломенные тюфяки, подъём с колоколом. Расставание вышло скомканным, отец тискал меня молча, а я вдруг обнаружил, что двадцатилетнему аспиранту внутри тоже перехватывает горло. Пять лет в семье что-то со мной сделали. Что-то хорошее, подозреваю.

Ученическая жизнь строилась просто: утром письмо и счёт, днём основы маноконтроля, вечером работы по башне. Письмо и счёт я отбивал как повинность, старательно делая по три ошибки на страницу. Маноконтроль вёл старенький мэтр Липп, и вот тут начиналось интересное.

— Мана, дети, это вода, — дребезжал Липп. — А вы кувшины. Кувшин наполняется годами. Не лейте через край.

Учили тут именно так: медленно, виришь, годами наращивая резерв. Про то, что заклинание можно гонять до автоматизма, до слияния с рукой, Липп упоминал вскользь, как про причуду боевых магов. Местная школа качала кувшин. Система качала руку. Я собирался качать обе, но руку по ночам.

Ночные тренировки пришлось перестроить: в комнате трое соседей, в коридоре дежурный. Зато открылся сокровищница: башенный двор, куда учеников гоняли таскать дрова и мести листья. Мести листья, дети мои, это официальная лицензия часами махать руками.

Толчок первого уровня сдувает три листа. Толчок, повторённый за вечер четыреста раз под видом усердного метения, это:

[Толчок: ур. 1 → ур. 2 → ур. 3]

— Старательный какой, — умилялся завхоз, глядя на чистейший двор.

Водяную нить я качал на кухне, куда напросился таскать воду: нитью удобно доливать ведра до края, никто не видит, все довольны. Сухой ветер отрабатывал в прачечной. Малое исцеление кормилось само: одиннадцать учеников ежедневно производили ссадины в промышленных масштабах, и через месяц ко мне уже стояла тихая очередь из сверстников, скрывающих разбитые носы от наставников.

[Малое исцеление: ур. 7 → ур. 8]

[Репутация среди учеников: свой]

Ланка расцвела. Здесь её дар был не клеймом, а талантом, наставники хвалили, и трести её перестало за первый же месяц. Она честно, по-липповски, растила кувшин и уже обгоняла меня в официальных замерах, чему радовалась до неприличия.

— Догоняй, деревня! — дразнилась она после замеров.

— Куда мне, — вздыхал я, и это даже не было полностью враньём: её резерв рос быстрее моего. Я свой, напомню, показывал на треть.

А ночами, когда dormitorio засыпал, я лежал и слушал башню. Двести четырнадцать контуров жили своей жизнью: наблюдение лениво сканировало этажи, подавление дышало в такт чьим-то дежурствам. И только один контур, глубоко внизу, не делал ничего. Совсем ничего.

Так не бывает, между прочим. Всё живое хоть как-то шумит. Молчит только то, что слушает.

Глава 12

В библиотеку учеников первого года не пускали, и это было единственное правило Гильдии, которое я твёрдо решил нарушить.

Легальный путь нашёлся через мэтра Липпа. Старик страдал коленями, я это видел в его строке состояний ежедневно, а мать снабдила меня в дорогу, помимо желтенья, мазью из жгун-корня.

— Мэтр, мамка велела передать. От колен. Она травница, — я протянул горшочек с самым честным деревенским лицом.

Через неделю Липп ходил не морщась, а через две у меня было разрешение «сидеть в читальном углу под присмотром, раз уж мальчик тянется». Коррупция, скажете вы. Народная медицина, отвечу я.

Библиотека гронхольмского отделения была провинциальной: сотни четыре томов, из них половина хозяйственные книги. Но для человека, у которого система подражания дополнялась грамотностью, и это была золотая жила. Учебники по маноконтролю подтвердили мои догадки: местная теория знала про «закрепление форм повторением», но считала его уделом армейских, ибо «истинный маг растит глубину, а не привычку». Снобизм как двигатель моего конкурентного преимущества, чудесно.

Настоящую добычу я нашёл в хозяйственных, как ни смешно, книгах: «Реестр башенных сооружений отделения Гронхольм, с планами». Планы были старые, столетней давности, и на них у башни имелся подвальный ярус. Три кладовые, ледник и помещение, подписанное одним словом: «Хран.».

На современных планах, висевших у завхоза, подвального яруса не было вовсе.

— Что читаешь, малой? — Бомбар навис над столом неожиданно, для толстяка он ходил возмутительно тихо.

— Про ледники, мэтр! — я ткнул пальцем. — У нас в деревне ледник обвалился, а тут нарисовано, как своды класть.

— Хозяйственный, — одобрил Бомбар и вдруг, забирая у меня реестр, добавил без всякого перехода: — В подвал не лазь. Там сыро.

Он ушёл, унося книгу, а я остался сидеть с колотящимся сердцем и одной свежей строчкой перед глазами:

[Мэтр Бомбар. Состояние: обет молчания (частичный, наложенный). Источник: Гильдия]
Обет молчания. На добродушном толстяке, который выдаёт ученикам пряники.
Сыро у них там. Ну-ну.

Глава 13

Зима принесла в Гронхольм мороз, эпидемию кашля и мой первый настоящий конфликт с системой обучения.

Кашель косил нижний город. В Гильдию потянулись горожане за лечебными зельями, зелья кончились за неделю, и Липп с Бомбаром варили новые круглосуточно, привлекая старших учеников. Нас, мелких, к котлам не пускали, и правильно: зельеварение тут было наукой строгой.

Проблема была в том, что я видел, чего они не видели.

[Настой от грудного кашля. Эффективность: 44%. Причина: желтень пересушен, активный компонент разрушен]

Гильдия закупала желтень у городских торговцев, а те сушили его на печах, быстро и насмерть. Мать сушила на ветру, три недели, и её желтень работал. Об этом знала любая деревенская травница и не знал ни один городской мэтр, потому что «эффективность 44%» не пишется на пучке травы. Ни для кого, кроме меня.

Сказать в лоб нельзя. Шестилетка, поправляющий магистров в фармакологии, это прямой билет на разбирательство. Я пошёл в обход, через Ланку.

— Слушай, — сказал я ей, — а помнишь, мамка моя говорила, что печной желтень пустой? Ты же при ней училась. Скажи Липпу, тебя послушают, ты отличница.

— А чего ты сам? — спросила Ланка.

— А я двоечник, мне не по чину, — ответил я.

Ланка сказала. Липп отмахнулся. Ланка, у которой от материнской школы осталась не только память, но и упрямство, притащила Липпу два пучка, печной и ветряной, заварила оба и предложила понюхать. Нюх у старого зельевара был на месте: назавтра Гильдия закупала желтень по деревням, эффективность настоя подскочила, кашель пошёл на убыль, а Ланке объявили благодарность перед строем.

— Это же ты придумал, — шепнула она мне вечером, красная от похвал и стыда.

— Я? Я даже слова «желтень» не выговариваю, — сказал я.

— Аль, — позвала она.

— М?

— Почему ты всё время прячешься?

Я посмотрел на неё и впервые за шесть лет новой жизни всерьёз захотел рассказать правду. Целиком: про фуру, про интерфейс, про «достаточным». Не рассказал. Но и врать не стал.

— Потому что тех, кто не прячется, забирают далеко, — сказал я. — А мне тут нравится.

Она подумала и кивнула. Семилетние люди иногда понимают самое сложное быстрее взрослых.

[Ланка относится к вам: полное доверие]

А система, педант и крючкотвор, в ту же ночь выдала мне строчку, от которой я долго не мог уснуть:

[Скрытое достижение: «Чужими руками». Получен навык: Интрига (ур. 1)]

Интрига. У неё и на это был навык. Интересно, до какого уровня он качается и что будет на десятом.

Глава 14

Тедрик вернулся весной.

Казначей, как выяснилось, дождал Гильдию: племянника, дисквалифицированного за «нарушение формы», приняли повторно, платно, вне экзамена. Деньги в Гронхольме умели то же, что и везде.

Первую неделю Тедрик вёл себя тихо. Вторую присматривался. На третьей, вычислив в Ланке первую ученицу, а во мне её единственного друга и официально последнего в рейтинге, начал работать: то чернильница опрокинется на Ланкины прописи, то её склянка на зельеварении окажется треснутой. Мелко, недоказуемо, но... системно.

[Тедрик. Интеллект: 7. Хитрость: 11]

Хитрость, оказывается, отдельный параметр. Спасибо, буду знать.

Ланка держалась, потом плакала в подушку, потом предложила «дать ему в нос». Я запретил: за драку у нас пороли и снижали рейтинг, а Тедрик именно этого и добивался, у первой ученицы рейтинг было куда снижать.

Вместо этого я две недели изучал противника. Осмотр, наблюдение, немного Интриги, которая, к моему восторгу, подсвечивала теперь [ложь] в чужих словах. Картина сложилась быстро: Тедрик смертельно боялся дядю-казначей, платившего за обучение, и еженедельно отправлял ему письма об «успехах». Письма носил на почтовую станцию младший служка, за медяк.

Дальше было дело техники. Служка за два медяка показал мне очередное письмо, не отдал, упаси боже, просто показал зажатое в кулаке, на минуточку. Мне хватило: Сухой ветер третьего уровня, отработанный в прачечной на сотнях простыней, умел не только сушить. Направленный тонко, он умел смазывать свежие чернила. Письмо об успехах доехало до казначея в виде абстрактной живописи. Второе тоже. На третьем казначей, заподозрив, что племянник пьёт или издевается, прибыл лично.

Ревизия дядюшки совпала, по чистой случайности, с днём, когда Тедрик в очередной раз подкараулил Ланкину сумку. Просто в этот раз в коридоре у него за спиной стоял казначей, а рядом с казначеем, тоже по чистой случайности, оказался я, громко и почтительно объяснявший важному господину дорогу к кабинету Ирэн.

Скандал был бесшумный и оттого страшный. Тедрика не отчислили, но перевели на «испытательное содержание», и травля кончилась в тот же день.

— Ты ведь это подстроил, — сказала Ланка. Не спросила.

— Я показывал господину дорогу, — ответил я.

— Аль.

— Ну подстроил, — сказал я. — Он трогал твои прописи. Прописи, Ланка, это святое.

[Интрига: ур. 1 → ур. 3]

Той же ночью система впервые сделала то, чего не делала никогда. Она выдала сообщение без моего действия. Просто, посреди ночи, поверх темноты:

[Наблюдение отмечено. Оценка скорректирована.]

Чьё наблюдение. Какая оценка. Кем скорректирована.

Я до утра гонял под одеялом светлячок, как гоняют чётки, и смотрел в потолок. Внизу, под башней, безымянный контур молчал. Но теперь я был почти уверен: молчит он в мою сторону.

Глава 15

Летом Гильдия жила вполсилы: мэтры разъезжались по инспекциям, старших учеников разбирали на практику, младших отпускали по домам. Я домой не поехал, соврав в письме про «дополнительные занятия». Мать в ответном письме передала три горшочка мази и одну фразу без обращения и подписи: «Достаточным, сын». Читала она меня и за четыре дня пути.

Башня опустела, дежурства сократились, и контур наблюдения, который я год слушал по ночам, летом откровенно ленился: обходил этажи раз в час вместо четверти.

Если лезть, то сейчас.

Вход в несуществующий подвал я вычислил ещё зимой, по старому реестру: за ледником, где кухонная кладовая. В кладовой была стена. Обычная стена, если не смотреть на неё моим осмотром:

[Иллюзорная кладка (ур. 12). Пропускной контур: доступ по гильдейской печати]

Двенадцатый уровень иллюзии. Мой потолок противодействия был девятым. В лоб не пройти, и слава богу, что не пройти: я не собирался внутрь. Умный человек не лезет в подвал, про который добрым мэтрам ставят обет молчания. Умный человек садится рядом с подвалом и слушает.

Я устроился в кладовой легально, вызвавшись на лето «перебирать репу», благо репы там было на месяц перебора. И три недели, час за часом, я сидел спиной к иллюзорной стене и тянул сквозь неё восприятие. Тонко-тонко, на уровне того невидимого светлячка.

[Восприятие маны: ур. 6 → ур. 7]

На седьмом уровне я начал различать. За стеной был спуск. Под спуском помещение. В помещении контур, тот самый, безымянный, и теперь, вблизи, система выдавала на него чуть больше:

[Контур: классификация недоступна. Тип: сдерживающий. Возраст: свыше 300 лет. Целостность: 91%]

Сдерживающий. Не «хранящий», как я надеялся. Не сокровищница. Сдерживающий контур целостностью девяносто один процент, и девять процентов, между прочим, куда-то делись.

А на двадцать вторую ночь, когда я в очередной раз потянулся восприятием сквозь стену, из-под земли, из глубины, что-то потянулось в ответ. Медленно, слепо, как рука спросонья. Мазнуло по краю моего восприятия и замерло, будто прислушиваясь.

[Внимание: вы обнаружены неизвестным источником]

[Рекомендация: прервать контакт]

Я прервал. Я прервал так быстро, что уронил репу.

И уже лёжа в dormitorio, уняв сердце, я разобрал последнюю строчку, которая догнала меня на лестнице и которую я предпочёл бы не получать:

[Неизвестный источник относится к вам: любопытство]

Глава 16

Неделю я к кладовой не подходил. Перебирал репу в другом крыле, качал Толчок на дворе, дотянув его до пятого уровня и научившись сдвигать листья в аккуратные кучи, чем привёл завхоза в состояние тихого обожания. Жил, короче, показательно скучной жизнью человека, который ничего не трогал.

Источник больше не тянулся. Но каждую ночь, засыпая, я чувствовал на краю восприятия его ровное, терпеливое присутствие. Оно не искало меня. Оно ждало. Триста лет чему-то ждать не привыкать.

А в конце лета пришло письмо, которое переставило фигуры на доске.

Писала мать, и впервые за год письмо было длинным. В баронстве беспокойно: у перевала Гримсток, того самого, пропали два обоза подряд. Барон поднял стражу, стража нашла телеги пустыми, людей не нашла вовсе. По деревням шептались про «горного хозяина», старую сказку, которую я слышал ещё от возчиков: мол, живёт под перевалом кто-то, кому гора служит, и раз в триста лет он собирает дань.

Триста лет. Я перечитал строчку. Потом мысленно перечитал другую: [возраст: свыше 300 лет. Целостность: 91%].

Совпадение? В прошлой жизни я бы сказал «совпадение» и пошёл спать. В этой жизни у меня был интерфейс, который не верил в совпадения, и девять процентов сдерживающего контура, утёкшие неизвестно куда. А ещё у меня были отец и мать в четырёх днях пути от перевала.

Я сидел над письмом, и внутри спорили двое. Аспирант Глеб Андреевич говорил: ты шестилетка с полусотней маны, твоё дело репа и рейтинг, сообщи взрослым анонимно и не отсвечивай. Кто-то второй, выросший за эти шесть лет из деревенского младенца, из обоза, из «сначала люди, потом твои прятки», отвечал коротко: взрослые не видят красных строчек. А ты видишь.

Я достал чистый лист и начал письмо магистрессе Ирэн. Официальное, ученическое, глупое ровно настолько, насколько нужно: «...а ещё дедушка-возчик рассказывал, что под перевалом старые ходы, и в Гильдии, говорят, про то в подвале записи лежат...»

Крючок. Проверим, магистресса, что вы знаете про своё «сыро». И заодно проверим кое-что поважнее.

Я дописал, поставил кляксу для достоверности и посмотрел в тёмное окно, за которым спала башня, а под башней не спало то, чему было триста лет и любопытно.

— Ну что, — сказал я ему мысленно, честно понимая, что оно, скорее всего, слышит. — Давай знакомиться аккуратно. Но если ты трогал мой перевал, я найду, куда тебе влить перегрузку.

Где-то глубоко внизу контур впервые за год шевельнулся.

Мне показалось, или это было похоже на смех?

Глава 17

Ответ на моё письмо пришёл не письмом.

Через четыре дня после того, как я сдал конверт башенному писарю, меня сняли с уборки двора и повели на третий этаж, куда ученикам первого года хода не было. Кабинет магистрессы Ирэн оказался маленьким и заваленным бумагами, как берлога аспиранта перед защитой, и это меня почему-то успокоило.

— Садись, — сказала Ирэн, не поднимая головы. — Возчик, значит. Дедушка.

— Дедушка Тимма, госпожа магистресса. С обоза. Он много чего рассказывал, я половину не понял... — отозвался я.

— Складно, — сказала Ирэн, наконец посмотрев на меня. — Про горного хозяина у нас каждый второй возчик внуку на ночь травит. Пиши мне враньё аккуратнее, ученик, у нас тут всё-таки Гильдия.

Я молчал и держал лицо шестилетки, пойманной на краже варенья. Внутри аспирант Глеб Андреевич методично матерился: врал я гладко, но эта женщина смотрела так, будто уже знала, на каком слове я оступился.

— Мне не интересно, откуда ты знаешь про подвал, — продолжила Ирэн, и по строчке [ложь] я увидел, что вот это как раз неправда. — Мне интересно другое. Ты написал «ходы под перевалом». Этого слова, «ходы», нет ни в одной сказке про горного хозяина. Оно есть в одном месте, куда ты попасть не мог.

Она положила на стол лист. Копия старого плана, того самого, из реестра, который унёс Бомбар. Подвал. «Хран.». И тонкая линия, уходящая от него за край листа, на север. К перевалу.

— Пропало два обоза, — сказала Ирэн. — Барон требует магов, столица молчит, у меня из боевых один Корвус и его геморрой. И тут пишет шестилетний ученик, который слышит горы, знает про скрытый подвал и врёт мне в глаза с чистейшим лицом. На вступительном показе чужой срыв ушёл вверх, хотя мой взгляд так и не нашёл того, кто вмешался. Я похожа на человека, который верит в совпадения?

Вот как. На экзамене она меня не увидела. Она сложила меня позже.

— Нет, госпожа магистресса, — сказал я.

— Правильно. Поэтому слушай, что будет дальше.

Глава 18

Дальше была история, и Ирэн рассказывала её сухо, как отчёт, отчего выходило только страшнее.

Триста двенадцать лет назад на месте Гронхольма стояла не Гильдия, а орденская крепость. Орден воевал с тем, что летописи называли Подгорным, а крестьяне горным хозяином: сущностью, которая жила в толще Гримстока и считала перевал, дорогу и всех идущих по ней своей собственностью. Дань она брала обозами. Целиком.

Убить её орден не смог. Смог запечатать: два якоря, один под крепостью, второй в сердце перевала, и контур между ними, натянутый, как цепь. Крепость потом стала башней, орден растворился в Гильдии, а обязанность «поддерживать» перешла по наследству вместе с обетом молчания и статьёй бюджета, записанной как «осушение подвалов».

— Сыро у нас там, — без выражения сказала Ирэн. — Триста лет как сыро.

— Целостность девяносто один, — сказал я раньше, чем успел прикусить язык.

Ирэн замерла. Потом очень медленно отложила перо.

— Наш якорь держит девяносто один процент, да, — сказала она. — Эту цифру знаю я, знал мой предшественник и знает столичный куратор. Теперь вот знает кузнецов сын. Я не знаю, как ты её увидел, и не стану притворяться, что знаю. Но если я назову это аномалией, вопрос перестанет быть моим и станет столичным. До возвращения он остаётся здесь. Когда-нибудь, ученик, ты расскажешь мне, как ты видишь то, что видишь. Не сегодня. Сегодня важнее другое: якорь под башней в порядке. А обозы пропадают у перевала. Понимаешь, что это значит?

Я понимал. Если цепь держит с двух концов, а с одного конца начали пропадать люди, значит, второй якорь либо слабеет сам, либо...

— Либо его кто-то доит, — сказал я.

— Доит, — повторила Ирэн, пробуя слово. — Хм. Грубо, но точно. Через десять дней к перевалу идёт инспекция: я, Корвус, двое стражей барона. И травница из Верхнего Оствика, лучшая в округе, её Гильдия наняла ещё на прошлой неделе, потому что в горах без травницы никуда. У травницы, по несчастливому совпадению, малолетний сын, которого не с кем оставить.

Она смотрела на меня в упор.

— Я не имею права брать ученика в поле. Но я не могу запретить наёмной травнице взять с собой ребёнка. Уловил разницу?

— Уловил, госпожа магистресса, — сказал я.

— Тогда иди собирайся. И, ученик... — она уже снова писала, не глядя. — То, что тянулось к тебе из-под кладовой. Оно ещё тянется?

Я стоял очень тихо.

— Оно ждёт, — сказал я честно.

— Все мы ждём, — сказала Ирэн. — Иди.

Глава 19

Ланка узнала обо всём за час до моего ухода и отреагировала предсказуемо: сначала обиделась, что без неё, потом испугалась за меня, потом совместила.

— Ты едешь ловить горного хозяина, — подытожила она, сложив руки. — Тебе шесть.

— Я еду при маме. Собрать желтень, — сказал я.

— Аль. Я сколько себя помню смотрю, как ты «собираешь желтень». Ты позавчера листья во дворе в кучу сдул с двадцати шагов, думал, никто не видит. Я видела.

Вот тебе и Тихое колдовство. От оценивающего взгляда Ирэн на экзамене я спрятался, от её выводов уже нет. Ланке магия не понадобилась: она просто смотрела.

— Ланка... — начал я.

— Молчу я, молчу. С зимы молчу, если ты не заметил. — Она сунула мне в руки полотняный свёрток. — Держи. Сама сушила, на ветру, как тётка Мила учила. И вот ещё.

«Вот ещё» оказалось её собственным детским амулетом от Ильвы, деревянным кругляшом на бечёвке, затёртым до блеска.

[Амулет Ильвы (самодельный). Магических свойств: нет. Иные свойства: есть]

«Иные свойства: есть». Система впервые на моей памяти позволила себе лирику, и я не стал уточнять, что она имеет в виду. Надел на шею и всё.

Мать прибыла в Гронхольм наутро, с обозом Ортвина, который, узнав, кого везёт, лично взбил ей сено в телеге. Обнялись мы так, что у меня хрустнула спина, а потом мать отстранила меня, оглядела и сказала вместо приветствия:

— Вырос. Врать научился лучше?

— Учителя хорошие, — ответил я.

— Вижу. Магистресса ваша мне за неделю три письма отписала, и в каждом ни слова правды, одни распоряжения. — Мать понизила голос. — Отец хотел ехать. Я не пустила: кто должен остаться, если мы вдвоём... если мы не вернёмся к сроку.

Она сказала «мы вдвоём» и осеклась, но я услышал. Вдвоём. Она с самого начала считала меня не багажом, а вторым специалистом. Не знаю, что я почувствовал сильнее: гордость или желание, чтобы мама хоть раз в жизни ошиблась на мой счёт.

Выехали на рассвете. Ирэн верхом, Корвус в возке с бумагами, двое баронских стражей, мать, я. У ворот я оглянулся на башню, привычно скользнув по контурам, и споткнулся взглядом.

[Контур: классификация недоступна. Состояние: активность повышена]

Оно знало, что мы едем. И, кажется, было довольно.

Глава 20

Четыре дня пути я употребил на две вещи: grind и разведку.

Grind шёл легально, лучше некуда: травница при инспекции обязана пополнять запасы, и мы с матерью дважды в день уходили от тракта за травами. Мать резала корни, я «помогал»: Водяной нитью промывал корешки, Сухим ветром подвдывал, Каменной ладонью выравнивал землю под ночлег. Мать смотрела на это молча дня полтора, потом начала просто говорить «подсуши» и «промой», как говорят подмастерью, и у меня от этой обыденности теплело где-то за грудиной.

[Водяная нить: ур. 3 → ур. 4]

[Сухой ветер: ур. 4 → ур. 5]

Разведка шла за ужином. Корвус, оттаявший от дорожной скуки и материнской мази для поясницы, оказался кладезем: тридцать лет полевой работы, и все тридцать он готов был пересказывать, если поддакивать в нужных местах. Поддакивал я профессионально.

— ...а дань, малой, хозяин брал не жизнями, вот что в сказках переврали, — Корвус грел руки о кружку. — Летописи ордена я читал, допуск имею. Он брал время. Обоз входил под гору, выходил через месяц, а люди думали, что прошёл час. И каждый такой обоз... — он пошевелил пальцами, — худел. Не телом. Люди возвращались какие-то... донашиваемые. Годы он с них снимал, вот что.

— А зачем ему годы? — спросил я, изображая детский ужас, который изображать почти не пришлось.

— А зачем тебе каша? — Корвус хмыкнул. — Жрёт он их. Время жрёт. Потому и запечатали, а не убили: как ты убьёшь то, что старше горы?

Я лежал потом без сна и складывал. Сущность ест время. Пропавшие обозы нашли пустыми, людей не нашли вовсе: ни живых, ни донашиваемых. Не почерк хозяина. Хозяин вернул бы, снятое время не в телегах же хранится.

А вот если кто-то снаружи ломает якорь и ему нужно топливо... Жизненная сила, например. Как в дешёвом колечке купца Ортвина, только оптом.

Я сел на лежанке. Колечко. «Слабое, накапливающееся, источник: предмет». Кустарная дрянь, вытягивающая жизнь по капле, всплывшая в обозе, который шёл именно этим трактом, за год до пропаж.

Кто-то испытывал инструмент.

Глава 21

Место последней пропажи стражи показали на второй день перевала: та самая узость, где когда-то рухнул мой карниз. Шесть телег стояли ровно, лошади в упряжи, мёртвые, но не тронутые зверьём, груз цел. Людей нет. Ни крови, ни следов боя, ни следов вообще.

Корвус развернул поисковые плетения и час ходил кругами, мрачней. Ирэн стояла у скальной стены и смотрела на камень так, будто читала.

Я тоже читал. И у меня получалось лучше.

[Остаточный след: массовый забор жизненной силы. Давность: 9 дней. Проводник: наложенная сеть (кустарная). Направление отвода: вниз, 340 шагов]

Кустарная. Опять кустарная, как то кольцо. Вся эта махина, сожравшая разом двадцать человек, была слеплена на том же уровне, что медяшка с «удачей»: грубо, с утечками, на живую нитку. Мастер не вырос. Мастер разжился силой.

Проблема была стандартная: как сдать координаты, не сдав себя. Я потянул мать за рукав:

— Мам. Тут желтень по расселинам растёт, вниз по склону. Можно?

Мать глянула на меня, на склон, на Ирэн. Травница она была настоящая: желтень на такой высоте не рос, и она это знала. Ирэн, к которой был на самом деле адресован вопрос, знала другое.

— Стража с ними, — распорядилась магистресса. — Травы так травы.

Триста сорок шагов вниз по осыпи мы «искали желтень». На триста тридцатом стражник Дарг, тот самый, с обоза, встал как вкопанный: из-под завала мелкого камня, слишком аккуратного для естественного, тянуло холодом. Разобрали. Под завалом был лаз, а в лазе, уходя в темноту, блестели на стенах нити.

[Сеть отвода жизненной силы. Состояние: активна. Заполнение накопителя: 74%]

— Госпожу магистрессу, — хрипло сказал Дарг. — Бегом.

Пока бегали, я стоял у лаза и делал вид, что боюсь. Бояться было легко: сеть на стенах дышала, и через её нити, оттуда, снизу, на меня во второй раз в жизни смотрело то, что старше горы. Только теперь между нами не было трёхсотлетнего контура толщиной в крепостную стену.

[Неизвестный источник относится к вам: узнавание]

И следом, впервые словами, если это можно назвать словами. Не звук. Строчка в интерфейсе, там, где всегда писала только система:

[оно ворует моё. останови вора. плата будет]

Система, помолчав, добавила от себя, мелко, как сноску:

[Рекомендация: торговаться]

Глава 22

Ночью в лагере совещались взрослые, а я лежал в трёх шагах, официально спал и вёл собственное совещание с самим собой.

Расклад по данным Ирэн выходил такой: сеть тянет силу из якоря и из пойманных людей и сливает в накопитель. Накопитель на семьдесят четыре процента. При сотне произойдёт одно из двух: либо неизвестный мастер получит запас, с которым его не остановит и столичная Гильдия, либо, если Корвус прав в худших подозрениях, накопитель разрядят в якорь и снесут печать, чтобы поймать освободившегося хозяина в свою упряжь. Идиотский план? Безусловно. Кольцо с утечкой тоже было идиотским, что не мешало ему убивать.

— Резать сеть нельзя, — глухо говорил Корвус. — Она с якорем срослась. Дёрнем, посыплется печать.

— Ждать столичных две недели, — отвечала Ирэн. — Накопитель дойдёт раньше. Считай.

— Тогда бьём мастера. Найдём, где сидит... — сказал Корвус.

— Он сидит внутри, за сетью, и слышит её, как паук паутину. Мы туда шага не сделаем незамеченными, — ответила Ирэн.

Незамеченными. Я лежал и смотрел в звёзды. В лагере находился один человек, у которого противодействие чужому восприятию было прокачано девятью тысячами ночных повторений до состояния второй кожи. Этому человеку было шесть лет, и его мама спала рядом.

А ещё у этого человека было предложение сделки от заинтересованной стороны возрастом триста плюс лет.

Я взвесил всё, как учил папа-физик: честно, с записью допущений. Допущение первое: хозяин не врёт, и вор ему враг. Проверяемо: система читала его «узнавание» и «любопытство», но ни разу не прочла [ложь]. Допущение второе: «плата будет» не означает «съём последним». Не проверяемо. Допущение третье: если не сделать ничего, накопитель дойдёт до ста, и тогда варианты кончатся у всех, включая маму в трёх шагах от меня.

Третье допущение решало.

Я потянулся восприятием вниз, сквозь камень, к тому, что ждало, и впервые заговорил первым:

«Условия. Ты не трогаешь людей на тракте. Никогда больше. Дань отменяется. Взамен я глушу вора и его сеть».

Пауза была длинной, как геологическая эпоха. Потом:

[дорога скучна без дани. но триста лет в цепи скучнее. согласие. добавка: вора отдашь мне]

«Вора отдам Гильдии».

[гильдия отдаст его верёвке. верёвка это быстро. скучно. отдай мне]

Я подумал про пустые телеги и про двадцать человек, слитых в накопитель.

«По результату», — сказал я, и где-то под горой то, что старше горы, издало звук, который система, поколебавшись, записала как:

[смех]

Глава 23

План я сдал Ирэн утром, завернув в детскую упаковку: «а пусть дядя Корвус пошумит с той стороны, а сеть, наверное, можно не резать, а перекормить, мамка так клещей выжигает». Ирэн выслушала клещей с каменным лицом, сказала «выйди» и через час объявила диспозицию, в которой Корвус шумел с северного входа, стражи держали лаз, а «травница с сыном» отводились в тыл, к лошадям.

В тыл так в тыл. От лошадей до лаза было четыреста шагов, для Тихого колдовства десятого уровня расстояние рабочее.

Началось на закате. Корвус ударил с севера честной боевой землёй, гулко, на всю гору, и сеть на стенах лаза вспыхнула, разворачиваясь навстречу: мастер принял бой там, где его приглашали принять. А я сел у лошадей, закрыл глаза и пошёл по нитям.

Сеть была кустарная. Я знал её школу, я уже выжег её младшую сестру в купеческом сундуке, и я знал, где такие поделки текут: на стыках контуров. Только теперь я не лил ману, своей не хватило бы и на узел. Я делал то, о чём договорился ночью: открывал стыки. А в открытые стыки, снизу, из-под горы, било то, чему триста лет не давали бить.

Хозяин не разрушал сеть. Он пил её. Через мои аккуратные дырочки, узел за узлом, он высасывал из накопителя своё украденное время, и заполнение падало у меня на глазах: семьдесят четыре, семьдесят, шестьдесят один...

На сорока трёх мастер понял, что его грабят.

Сеть взвыла и хлестнула по единственному чужому присутствию, которое смогла нащупать: по цепочке моих вскрытий, назад, к источнику. Ко мне.

[Вы подверглись воздействию: Обратный поиск (ур. 14). Тихое колдовство (ур. 10): противодействие...]

Строчка мигала. Четырнадцатый против десятого. Я держал, как держат дверь плечом, чувствуя, как чужое внимание продавливают навыворот, и уже понимая, что не удержу, и тут снизу, по тем же нитям, навстречу поиску поднялось внимание другого калибра. Старое, спокойное, беспредельное, как сама гора.

Поиск смяло. Не отбило. Смяло, как муху газетой.

[Обратный поиск: источник подавлен]

[Заполнение накопителя: 12%... 4%... 0%]

А потом гора вздохнула. По-настоящему, всем массивом, так, что лошади присели, а с дальних склонов поехали осыпи. Из лаза, с северного входа, отовсюду выдохнуло тёплым, и сеть на стенах осыпалась ржавой трухой.

В наступившей тишине я услышал, как Корвус на северной стороне очень грязно и очень счастливо ругается: живой.

[до вора семьдесят шагов от северного входа. он оглушён. плата: за тобой должок в мою пользу, маленький вор чужих заклинаний. долги я помню триста лет]

[Скрытое достижение: «Сделка с горой». Интрига: ур. 3 → ур. 5]

Должок. Ну конечно. Бесплатным в этом мире был только пряник Бомбара, и то один раз.

Глава 24

Вора взяли через час, в семидесяти шагах от северного входа, оглушённого и придавленного, с ювелирной точностью, каменной плитой поперёк ног: гора выдала товар лицом и с упаковкой.

Я его увидел, когда стражи выволокли тело к кострам, и осмотр сложил последний кусок:
[Мэтр Корвус...]

Нет. Выдохнул. Не Корвус.

[Гельд, бывший подмастерье Гильдии (исключён). Ур. 26. Класс: маг (жизнь, искажённая школа). Состояние: истощение, перелом голеней. Известные работы: амулеты «удачи» (партия, 40 шт.)]

Партия сорок штук. Исключённый подмастерье, который двадцать лет варил проклятые побрякушки по трактирам, накопил на них силёнок и знаний ровно столько, чтобы найти в старых бумагах якорь и решить, что триста лет чужой работы можно снять как сливки. Не тёмный властелин. Халтурщик, доросший до катастрофы. Почему-то от этого было страшнее, чем от властелина.

Ирэн допрашивала его до полуночи и вышла от него постаревшей.

— Он не знал, что печать держит, — сказала она Корвусу, не заметив меня в тени у костра, или заметив и не посчитав нужным гнать. — Он думал, там просто склад силы. Двадцать человек слил в накопитель и не знал.

— Верёвка, — сказал Корвус.

— Верёвка, — согласилась Ирэн. — Столица утвердит.

«Верёвка это быстро. Скучно. Отдай мне». Я сидел у костра, смотрел в огонь, и должок ворочался во мне, как проглоченный камень. По результату, сказал я тогда. Результат лежал в палатке со сломанными ногами и, если верить осмотру, [состояние: ужас (перед горой)]. Он уже понял, рядом с чем колупался.

Я не отдал его. Хотите знать почему, потому что я хороший? Нет. Потому что в моей прошлой стране за меня такие вопросы решал суд, и это, как выяснилось, единственная привычка из прошлой жизни, которую я не готов был сдать даже горе. Верёвка так верёвка.

Ночью я сказал это вниз, сквозь камень, прямым текстом и приготовился торговаться.

[жаль]

пришло снизу. И, после паузы, длинной, оценивающей:

[принципы. у вора чужих заклинаний принципы. дороже платы. должок остаётся. расти, маленький. мне любопытно, во что]

— Взаимно, — сказал я вслух, в темноту.

У соседнего костра мать, не оборачиваясь, спросила:

— С кем разговариваешь, сын?

— С горой, мам, — ответил я.

— А. Ну поклонись ей от меня, — сказала травница Мила таким будничным тоном, что я понял: этой женщине я когда-нибудь расскажу всё, и она кивнёт и спросит, мыл ли я руки.

Глава 25

Обратно шли неделю: Ирэн завернула через Верхний Оствик, официально «опросить население», фактически, я подозреваю, посмотреть, из какой печи я такой выпекся.

Печь ей понравилась. Отец, увидев инспекцию во дворе кузни, вытер руки, выслушал казённое «ваш сын проявил себя» и спросил ровно один вопрос:

— Живой, здоровый?

— Живее нас всех, — сказала Ирэн, и они с отцом обменялись взглядом двух взрослых людей, вырастивших не то, что планировали, но довольных результатом.

Вечером в кузне отец выслушал мою версию, полную, без купюр, включая должок, и долго молчал, шуруя в горне.

— Гора, значит, — сказал он наконец. — Долги горе... Знаешь, что я тебе скажу, как кузнец. Хороший заказчик лучше плохого. Она слово держит?

— Триста лет держала. Печать не рвала, хоть щели были, — сказал я.

— Значит, держит. — Он повернулся. — А ты держи своё. Пообещал «по результату», сделал «по совести», и она это приняла и цену подняла. Учись, сын: с сильными торгуются не силой. Словом, которое не гнётся.

Официальный отчёт Ирэн я потом видел, спасибо осмотру и открытым папкам. Меня в нём не было. Совсем. Сеть «дестабилизировалась в ходе штурма», накопитель «разрядился в грунт», ученик такой-то «сопровождал наёмную травницу». Три строчки лжи от женщины, отчитавшей меня за враньё в письме.

— Несправедливо? — спросила Ирэн, поймав мой взгляд на папке, которую я «не читал».

— Правильно, — сказал я. — В столице читают отчёты.

— В столице, — согласилась Ирэн, — читают отчёты. И тех, кто в них слишком интересен. — Она закрыла папку.

— А девяносто один процент? — спросил я.

— Я не забыла и не объяснила. Разница есть. Пока я вижу одно: ты замечаешь то, чего не замечают другие, и используешь это не против нас. Этого достаточно, чтобы учить тебя. Недостаточно, чтобы отдавать столице на разбор.

Она постучала пальцем по обложке.

— Поэтому вопрос остаётся у меня. Ответ принесёшь, когда сам решишь. До тех пор я не спрашиваю вслух.

Она отодвинула папку.

— С осени перевожу тебя с общего потока. Официально: «отстающий, нуждается в отдельных занятиях». Заниматься будешь со мной. Отставать, — она чуть усмехнулась, — убедительно. Это приказ.

[Получен статус: личный ученик (скрытый)]

[Ирэн относится к вам: расчёт, любопытство, 11% тепла]

Одиннадцать процентов тепла. Система, ты считаешь тепло в процентах. Кто тебя писал, я хочу пожать этому человеку руку. Или что у него там.

Глава 26

Учебный год пошёл двухслойный, как всё в моей жизни.

Верхний слой: ученик Аль, официально не тянущий программу, дважды в неделю уныло плетётся на «дополнительные занятия» к магистрессе. Ученики сочувствовали, Ланка фыркала, потому что видела мой Толчок пятого уровня в деле, но правила игры уже понимала и фыркала молча.

Нижний слой начался с того, что Ирэн на первом же занятии положила передо мной лист и сказала:

— Пиши. Всё, что умеешь делать маной, с уровнями, как ты их там у себя считаешь. Про то, как ты видишь контуры, я сегодня не спрашиваю. В остальном врать бессмысленно: я год смотрела.

Я написал. Не всё, осмотр и системные сообщения я оставил себе, но заклинания и навыки выложил честно. Ирэн читала список дважды, и её лицо делалось всё более казённым, что, как я уже выучил, означало у неё крайнюю степень изумления.

— Семь заклинаний. Подражанием, без наставника, без книг. — Она отложила лист. — Знаешь, в чём твоя проблема, ученик? У тебя ремесло без школы. Ты снял семь форм и заездил их до блеска, а почему они работают, не знаешь. Пока враги дурни, сойдёт. Первый же грамотный противник сложит твой зоопарк одной контрформой, потому что все семь ты держишь одинаковой хваткой.

Она была права так, что скулы свело. Я и сам чувствовал: система давала мне «что», но никогда «почему». Копипаста без понимания кода.

— Поэтому забудь про новые заклинания на год, — сказала Ирэн. — Год мы будем ломать твои семь и собирать заново, с теорией. Будет скучно, мелко и без единой красивой вспышки. Возражения?

— Одно. Можно ломать восемь? Я по дороге у Корвуса Каменную стену подсмотрел... — сказал я.

— Ученик.

— Молчу.

Год вышел ровно таким, как обещано: скучным, мелким и лучшим в обеих моих жизнях. Ирэн учила, как папа учил физике: от основания. Почему нить рвётся. Где в толчке живёт импульс. Отчего исцеление жрёт вдвое, если лечишь против хода крови. Система следила за этим безобразием с видимым одобрением:

[Малая искра: понимание структуры. Ур. 2 → ур. 4]

[Толчок: понимание структуры. Ур. 5 → ур. 7]

[Получен навык: Теория форм (ур. 1)]

Понимание структуры, оказывается, качало уровни не хуже тысячи повторений. Гринд и теория складывались, а не спорили.

Кто бы мог подумать. Кроме любого преподавателя в истории обеих вселенных.

Глава 27

Про седьмой год моей жизни рассказывать почти нечего, и это лучшая рекомендация году.

Я учился двуслойно, мёл двор Толчком, доводил Тихое колдовство под приглядом Ирэн, которая, узнав про навек, отнеслась к нему без ожидаемого ужаса: «армейская дисциплина маскировки, редкость, но не ересь, качай». Ланка взяла первое место потока и удержала. Тедрик на испытательном содержании внезапно выровнялся: без дядиных ожиданий за спиной из него полез неплохой, старательный середняк, и к весне он, буркнув, притащил Ланке новую склянку взамен той, треснутой, годичной давности. Ланка склянку приняла. Дети отходчивы, и слава богу.

Письма из дома приходили раз в месяц. Отец взял двух подмастерьев: баронский заказ на скобяное для перевальной заставы, которую спешно отстраивали, кормил кузню, как никогда. Мать писала про травы и в каждом письме, в самом конце, одной строчкой: «Гора стоит спокойно». Наш семейный шифр, означавший, что с той стороны должка новостей нет.

Гора и правда стояла спокойно. Контур под башней держал свои девяносто один, обозы ходили, дань не бралась. Раз в пару месяцев, ночами, я чувствовал на краю восприятия знакомое внимание: оно приходило, смотрело недолго, как смотрят на грядку, где растёт что-то любопытное, и уходило. Я привык. К чему только не привыкает человек, у которого в кредитах геологический объект.

Единственная странность года случилась зимой, и я долго решал, записывать ли её в странности.

Система обновила формулировку. Раньше в шапке значилось: [Имя: Глеб (самоопределение) / Аль (данное)]. В одно декабрьское утро я открыл интерфейс и прочёл:

[Имя: Глеб-Аль. Синхронизация личности: 89%]

Синхронизация. Восемьдесят девять процентов чего с чем, спрашивается. Аспиранта с деревенским мальчишкой? Меня с телом? Меня с... нет, об этом думать не хотелось.

Я спросил напрямую, в пустоту, как спрашивал уже не раз: «Что ты такое?»

Система, как всегда, не ответила. Но впервые за семь лет мне показалось, что пауза перед отсутствием ответа была чуть длиннее обычного. Как будто на том конце подумали и решили: рано.

Глава 28

Гости из столицы приезжают в двух случаях: когда всё плохо и когда всё слишком хорошо. К нам приехали по второму поводу, и это оказалось хуже первого.

Звали его магистр Веллан, куратор северных отделений, и Гронхольм встал по стойке смирно за неделю до его прибытия. Формальный повод: плановая ревизия плюс «разбор инцидента на перевале Гримсток», год спустя, столичные жернова мелют медленно.

[Магистр Веллан. Ур. 52. Класс: недоступно. Состояние: недоступно]

Недоступно. Оба поля. Впервые осмотр упёрся не в предмет и не в древний контур, а в живого человека, и я почувствовал себя очень маленьким и очень заметным одновременно.

Веллан работал вежливо и страшно: три дня поднимал бумаги, опрашивал мэтров, гулял по башне, и там, где он проходил, контур наблюдения послушно разворачивался ему вслед, как подсолнух. На четвёртый день он спустился в кухонную кладовую и простоял час перед иллюзорной стеной. На пятый вызвал к себе учеников. Всех по очереди, по четверть часа, «беседа о успехах».

Моя четверть часа выглядела так. Веллан сидел, читал бумаги и минут пять меня не замечал. Потом поднял глаза:

— Аль из Верхнего Оствика. Последний на вступительном, отстающий, отдельные занятия. — Он отложил лист. — Скажи мне, отстающий, одну вещь. Год назад накопитель на перевале разрядился в грунт. В отчёте так и написано: в грунт. Я читал грунт на Гримстоке. Знаешь, что странно? Грунт пуст. Двадцать человеческих жизней не уходят в никуда, ученик. Они всегда где-то.

Он смотрел на меня, и я держал лицо на голых десяти уровнях Тихого колдовства, чувствуя, как что-то ощупывает края навыка. Не ломая. Примеряясь.

— Я в грунтах не разбираюсь, господин магистр, — сказал я. — Я по травам больше. С мамкой.

— По травам, — повторил Веллан. И улыбнулся так, что мне захотелось обратно на перевал, под обвал, там было понятнее. — Знаешь, кого ты мне напоминаешь, травник? Была одна старая практика, до ордена ещё. Детей с несозревшим даром отдавали в услужение древним силам, и сила растила их под себя. Заклинания у таких липли с одного взгляда, чужой глаз с них соскальзывал, а в бумагах они всегда, всегда были последними в списках. Их звали должниками. — Он снова взял бумаги. — Сказки, конечно. Иди, отстающий. Пока иди.

Я вышел ровным шагом, дошёл до dormitorio, сел на тюфяк, и только тогда система, молчавшая всю беседу, выдала строчку, которую копила, видимо, из деликатности:

[Магистр Веллан относится к вам: узнавание]

Узнавание. То же слово, которым она год назад описала взгляд из-под горы.

Так. Кажется, «достаточным» перестало быть достаточным.

Глава 29

Веллан пробыл в Гронхольме ещё четыре дня, и все четыре дня я жил образцовой жизнью отстающего: путал руны, ронял склянки, получил от Липпа выговор за кляксу. Кляксу я готовил минут десять, добиваясь естественной формы.

Уехал он буднично, без прощальных бесед. Только у ворот, уже с седла, обвёл двор взглядом, зацепил меня, метущего листья вручную, метлой, без единого Толчка, и сказал Ирэн:

— Хорошее у вас отделение, магистресса. Тихое. Берегите тишину.

Когда пыль за конём осела, Ирэн вызвала меня к себе и долго молчала над бумагами.

— Он ничего не нашёл, — сказала она наконец. — И это худший исход. Веллан из тех, кто возвращается к ненайденному. Год, может, два у нас есть. За это время ты должен перестать быть загадкой, которую видно. А статья? Скучным фактом. Способный провинциал, разобраный по косточкам, с понятной биографией. Такие досье закрывают и забывают. — Она подвинула мне лист. — Прощение о летнем отпуске к семье. Подпиши. Твоя мать пишет, что в этом году хороший сбор жгун-корня, и ей нужны руки.

Я взял письмо. Мать действительно писала про жгун-корень. А в самом конце, привычной последней строчкой, стояло не привычное. «Гора стоит беспокойно, сын. Ждёт».

Ирэн смотрела на меня поверх бумаг:

— Твоя мать всегда пишет о геологии?

— У нас вся семья хозяйственная, — ответил я.

— Езжай, — сказала Ирэн. — И, ученик. Что бы там ни ждало. Помни, с кем ты уже в расчёте, а кому должен. Не путай.

Глава 30

Домой я добрался с попутным обозом за четыре дня, сутки честно копал с матерью жгун-корень, а на третью ночь ушёл к перевалу. Официально: за ночным сбором лунницы, которая, чистая правда, цветёт в темноте. Мать собрала мне котомку, положила сверху лепёшку и сказала только:

— Кланяйся.

Тропу мне показали. Не знаком, не голосом: просто там, где я собирался свернуть неправильно, из осыпи выросал удобный уступ, а неправильный поворот оказывался перегорожен свежим камнепадом. Гора вела гостя, как хозяйка ведёт в комнаты, и через два часа я стоял перед трещиной в скале, которой на этом склоне отродясь не было.

Внутри был не грот. Внутри была комната: тёсанные стены, ниша, а в нише то, ради чего меня звали. Свёрток вошёной кожи и поверх него кольцо.

[давно жду. садись, маленький должник. разговор будет про проценты]

Я думал, должен я.

[должен. потому и даю. голому должнику нечем платить. я вкладываюсь в тебя, как ваши менялы в караван: снарядить, чтобы вернулся с прибылью. это не подарок и не плата. это инструмент. бери]

Я взял кольцо первым. Тёмный камень, не металл, гладкий, тёплый, как галька с летнего берега.

[Кольцо глубинного истока]

[Древний артефакт (малый). Хранит до 40 ед. маны. Медленно наполняется из окружения: +1 ед./час. Побочное свойство: приглушает магический след носителя]

[Внимание: артефакт настроится на первого владельца. Настройка необратима]

Сорок единиц. Мой собственный резерв к восьми годам дополз до пятидесяти шести. Эта галька почти удваивала меня, наполнялась сама и вдобавок работала на пару с Тихим колдовством. Для магистра безделица. Для ребёнка чит.

Свёрток я разворачивал дольше, чем следовало: руки не слушались. Внутри лежала книга. Не гильдейский том, другая: страницы из тонкого рогового листа, письмо столбцами, вязью, которой я не знал.

[«Основания плетений». Трактат орденской школы (утраченная традиция). Язык: старое письмо севера. Ваше знание языка: 0%]

[Содержание: теория построения заклинаний из первичных нитей. Разбор, разъятие и пересборка форм. Создание собственных плетений]

— Это же орденское, — сказал я. — Тех, кто тебя запечатал.

[их. они умели строить, а не переписывать, как нынешние. книгу нёс их мастер, когда шёл ставить второй якорь. якорь поставил. обратно не дошёл, гора крута. книга лежала. теперь понесёшь ты]

— Почему мне? — спросил я.

[потому что ты уже воруешь заклинания взглядом, а это половина их искусства. вторая половина здесь. и потому, что должник с их знанием вернёт долг интереснее. условие одно: книгу не показывать никому, пока не прочтёшь всю. нынешние отберут и запрут, они умеют только запирасть]

Я надел кольцо. Камень потеплел, и по руке прошло, как будто в жилу впаяли вторую, тонкую.

[Кольцо глубинного истока: настройка завершена. Владелец: Глеб-Аль]

[Мудрость +1]

— Проценты, значит, — сказал я. — А тело долга когда предъявишь?

[когда дорастёшь его поднять. иди, маленький. лунницу не забудь, мать ждёт травы, а не сказок]

Глава 31

Проблема нарисовалась сразу и была написана прямым текстом: [ваше знание языка: 0%].

Книга на мёртвом языке. Без словаря, без учителя, без права кому-либо её показать. Прошлый я на этом месте пошёл бы искать научного руководителя. Нынешний сел и стал думать, что у него есть.

Есть система, которая переводит суть в моих же строчках интерфейса: название трактата она мне выдала по-русски, значит, читать письмо она умеет. Делиться переводом не спешила: на прямой запрос выдала только [Рекомендация: изучать самостоятельно. Усвоенное превосходит переданное]. Педагог нашёлся. Но лазейку она оставила, и я нащупал её на третий вечер: если долго смотреть на один столбец, честно пытаюсь разобрать, система подсвечивала угаданное.

[Знак опознан: «нить». Знание языка: 0% → 1%]

Один процент за вечер работы. Двадцать лет универа приучили меня к худшим курсам обмена.

Дальше пошло ремесло. Я расчертил бересту под словарь, выписывал знаки, искал повторы. Старое письмо оказалось логичным, как хороший код: корень-знак плюс модификаторы. «Нить», «узел», «ток», «замок». К концу лета словарь занимал шесть берестяных листов, а строка выросла до:

[Знание языка: 14%]

[Интеллект +1]

[Получен навык: Старое письмо севера (ур. 2)]

Четырнадцать процентов хватило, чтобы со скрипом, по слову, разобрать первую страницу первой части. И эта страница легла на меня, как ведро колодезной воды.

«Нынешние переписывают форму с формы, как дитя срисовывает букву, не зная звука. Мы же говорим: всякое плетение стоит на нитях, нитей же первичных счётом девять, и знающий девять построит любую форму сам, а чужую разымет до основания».

Девять первичных нитей. Вся магия этого мира, все двести четырнадцать контуров башни, все мои краденые заклинания собирались из девяти базовых элементов, как вся моя прошлая наука из горстки фундаментальных взаимодействий. Гильдия учила срисовывать иероглифы. Орден знал алфавит.

Я сидел над страницей до рассвета, и кольцо на пальце тихо грелось, доливая в меня ману взамен сожжённой на подсветку знаков.

[Теория форм: ур. 2 → ур. 3]

— Ты знал, что мне даёшь, — сказал я в сторону перевала.

Перевал не ответил. Хозяйственный он у нас. Вкладывается.

Глава 32

Осенью я вернулся в Гронхольм с книгой на дне сундука, завёрнутой в промасленную холстину под слоем сушёного желтения: любопытный нос упирался в запах травницыного хозяйства и дальше не лез. Кольцо ехало открыто, на бечёвке рядом с Ланкиным амулетом. Лучший способ спрятать артефакт: повесить его рядом с деревяшкой и назвать «от мамки, от сглазу».

Учебная жизнь потекла прежняя, двухслойная, только нижних слоёв стало два. Днём Ирэн разбирала со мной гильдейскую теорию, ночами я разбирал орденскую, и очень быстро выяснилось, что вторая объясняет первую, как физика объясняет инженерные таблицы.

Вот Толчок. Ирэн год ставила мне его «правильную гильдейскую форму», семь узлов, заучить и не трогать. Книга сказала иначе: в Толчке три нити, «ток», «направление», «предел», а четыре узла из семи это подпорки для тех, кто нитей не видит. Я убрал подпорки. Осторожно, по одной, неделями, проверяя каждую на пустыре за дровяным сараем, где по вечерам «помогал завхозу».

[Толчок: структура упрощена. Ур. 7 → ур. 8. Расход маны снижен на треть]

[Теория форм: ур. 3 → ур. 5]

Треть расхода. На моём воробьином резерве это была не оптимизация, это была новая жизнь. Я прошёлся тем же гребнем по всему зоопарку: Светлячок ужаслся до двух нитей, Водяная нить до трёх, Малое исцеление, самое сложное, худело медленно и неохотно, но худело.

[Малое исцеление: ур. 8 → ур. 9]

[Мана: 56 → 61]

[Интеллект +1. Мудрость +1]

Прокол случился зимой, и поймала меня, конечно, Ирэн. На занятии она поставила задачу: удерживать учебный щит под её медленным давлением. Я держал по-гильдейски, честной заученной формой, но когда давление подошло к пределу, руки сами, без спроса, перебрали в щите нити, сбросив лишний узел. Щит выстоял. Ирэн отняла ладонь и долго смотрела не на меня, на щит.

— Эту связку не учат, — сказала она. — Её нет в программе. Её нет в книгах нашего крыла. Где взял?

— Само вышло, госпожа магистресса. Со страху, — ответил я.

Строчку [ложь], которую она не видела, а я видел, мы оба вежливо оставили висеть в воздухе.

— Со страху, — повторила Ирэн. — Знаешь, ученик, что меня в тебе успокаивает? Ты врёшь мне только о том, как. Никогда о том, зачем. — Она вернула щиту давление. — Держи. И эту свою «со страху» связку отработай до автоматизма, раз уж она само выходит. Пригодится.

Глава 33

К весне я дочитал вторую часть трактата, «разъятие», и упёрся в третью, ради которой, подозреваю, всё и затевалось: «построение». Создание заклинания с нуля, из девяти нитей, под задачу.

«Не бери великого, — писал орденский мастер, и я к тому времени читал его почти свободно, на сорока процентах языка. — Первое плетение строй малым и нужным, как первый горшок лепят под кашу, не под алтарь».

Малое и нужное я искал две недели и нашёл, как водится, под ногами. Ученическая болячка: ночью в dormitorio не считаешь, Светлячок, даже невидимый глазу, отлично видел дежурный контур наблюдения, реагирующий на всплеск маны. А читать хотелось. Задача: свет, который не свет для контура.

Я строил его месяц. Три нити: «ток» тоньше волоса, «предел», запёртый в ладони, и «покой», девятая нить, которую книга называла самой скользкой, она гасила рябь маны вокруг плетения. Семнадцать сборок развалились у меня в пальцах. Восемнадцатая зажглась и повисла над страницей: тусклый, ровный, глухой огонёк.

[Создано новое заклинание: Слепой свет (ур. 1). Авторское плетение]

[Скрытое достижение: «Первый горшок». Интеллект +1, Мудрость +1]

[Теория форм: ур. 5 → ур. 6]

Контур наблюдения проплыл сквозь dormitorio и не шелохнулся. Я лежал под одеялом, светил своим, собственным, первым, и улыбался, как дурак. В прошлой жизни у меня была почти диссертация и ноль вещей, сделанных руками с нуля. В этой мне восемь, и у меня есть горшок под кашу.

Проверку боем горшок прошёл через месяц, буднично. Ланка притащилась ко мне за полночь, зарёванная: письмо из дома, мельница горела, отстояли, но отец расшибся, и в письме мельничиха наворотила такого, что не понять, жив ли. Ланка перечитывала его весь вечер по памяти и уже не помнила, что там на самом деле, а что она себе накрутила.

— Сядь, — сказал я. — Читаем вместе. Медленно.

Слепой свет повис над мятым листом. Дежурный контур прошёл над нами дважды и дважды ничего не увидел. Мы разобрали письмо по строчке: перелом ноги, лекарь был, мука цела. К концу Ланка дышала ровно, а на кривой приписке мельничихи «отец велел кланяться грамотейке» даже фыркнула.

— Тёплый у тебя огонёк, — сказала она, засыпая сидя. — У всех белый, а у тебя тёплый. Сам сделал, да?

— Сам, — ответил я.

— Ну вот. А говорил, отстающий.

[Ланка относится к вам: полное доверие]

А через перевалы, из-под горы, донеслось короткое, довольное, как щелчок счётов у менялы:

[проценты капаят]

Глава 34

После случая со щитом я неделю ждал последствий и дождался ровно противоположного тому, чего боялся.

Ирэн не стала копать именно этот случай. Вопрос о девяноста одном проценте никуда не делся. Для самовольной перестройки формы она нашла отдельное объяснение в рамках своей науки. На следующем занятии она положила передо мной старый том «О диких дарованиях» с закладкой на главе про интуитивную магию.

— Читай. Это про таких, как ты. Раз в поколение попадаете ребёнок, у которого руки перебирают форму раньше головы. Гильдия таких зовёт дикарями и не любит: интуиция вещь ненадёжная, сегодня она сбрасывает лишний узел, завтра сбрасывает нужный, и ты без пальцев. Поэтому правило: всё, что у тебя выходит «само», ты немедленно замораживаешь и разбираешь со мной по канону. Само в бою не работает.

Работает, хотел сказать я, ещё как работает, если за «само» стоят три месяца ночного черчения. Не сказал. Версия «дикарь» была подарком, но не ответом на всё. Она объясняла одну часть моих странностей: неканонические связки, слишком быстро снятые формы, решения, которые руки находили раньше объяснения. Остальное Ирэн не забыла. Она решила не спрашивать.

— Понял, госпожа магистресса. Замораживать и разбирать, — сказал я.

— И вот ещё, — она забрала том. — Дикарей столица любит забирать на изучение. Веллану про твою интуицию знать незачем. На людях колдуй канон, узел в узел, скучно. Своё оставляй для этих стен.

Она не думала, что разгадала меня. Она дала безопасной части моих странностей имя и учила держать её в этих стенах. Я показывал ей витрину, тщательно собранную из канона с одной дозированной «странностью» в месяц, чтобы дикарь оставался дикарём, а не превращался в загадку. Настоящая работа шла ночами, и там за месяц случилось вот что:

[Знание языка: 40% → 52%]

[Слепой свет: ур. 1 → ур. 3]

[Кольцо глубинного истока: синхронизация с владельцем 100%. Скорость наполнения: +1 → +2 ед./час]

Кольцо, обжившись на пальце, стало наполняться вдвое быстрее, а трактат раскрыл в третьей части раздел, от которого у меня зачесались руки: «плетения парные, где вторая нить лежит в предмете». Магия, разложенная между магом и артефактом. Заготовка хранится в предмете, маг платит только за спуск.

У меня был предмет. Сорок единиц ёмкости, приглушающий след, намертво настроенный на меня.

Я две недели строил и на исходе второй собрал:

[Создано новое заклинание: Спящий толчок (ур. 1). Авторское плетение. Заготовка размещается в Кольце глубинного истока. Активация: мысленная команда. Время спуска: мгновенно]

Толчок восьмого уровня, взведённый заранее, сидящий в кольце и срывающийся быстрее, чем я успею моргнуть. Оружие последнего шанса для ребёнка, которого взрослый противник всегда опередит в честном касте.

Я взвёл заготовку и с тех пор ходил заряженным.

Глава 35

В конце весны в Гронхольм пришла беда, никак не связанная ни с горой, ни с магией: с южными баржами приплыла жёлтая лихорадка.

Нижний город слёг за неделю. Гильдия по договору с магистратом развернула лечебню в складах у пристани, и туда согнали всех: мэтров, старших учеников, зельеваров. Младших не пускали, но у младших была лазейка: подсобные работы, вода, дрова, стирка. Мы с Ланкой записались в первый день, она из своего мельниковского упрямства, я по холодному расчёту: лечебня это сотни больных, а моё Малое исцеление девятый уровень и упирается в потолок на здоровых учениках со ссадинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.